Билимбаевское двухклассное приходское училище въ 1854-1860 г.г.

*(Ланкастерская система взаимообученія *) по личнымъ воспоминаніямъ).*

Учителями I класса были въ означенный въ заголовкѣ періодъ Захаръ Васильевичъ Кольцевъ, преподававшій всѣ предметы. Послѣ него одновременно двое: Александръ Федоровичъ Крюковъ—по ариѳметикѣ и Гордѣй Михайловичъ Швецовъ—по чтенію и письму. Кажется, съ 1858 г. преподаваніе ариѳметики и чтенія снова возложено на одно лицо—Дмитрія Ивановича Юрганова.

Учителями II класса были: до 1856 года Аполинарій Степановичъ Лыхинъ, а потомъ З. В. Кольцовъ, переведенный изъ I класса, по сдачѣ экзамена на званіе учителя и зачисленный въ коронную службу въ 1862 г., т. е. вскорѣ по освобожденіи крѣпостныхъ.

Законоучителями, преподававшими одновременно въ I и во II классахъ, были до 1859 г. о. Григорій Троицкій, а потомъ о. Андроникъ Лапустинъ.

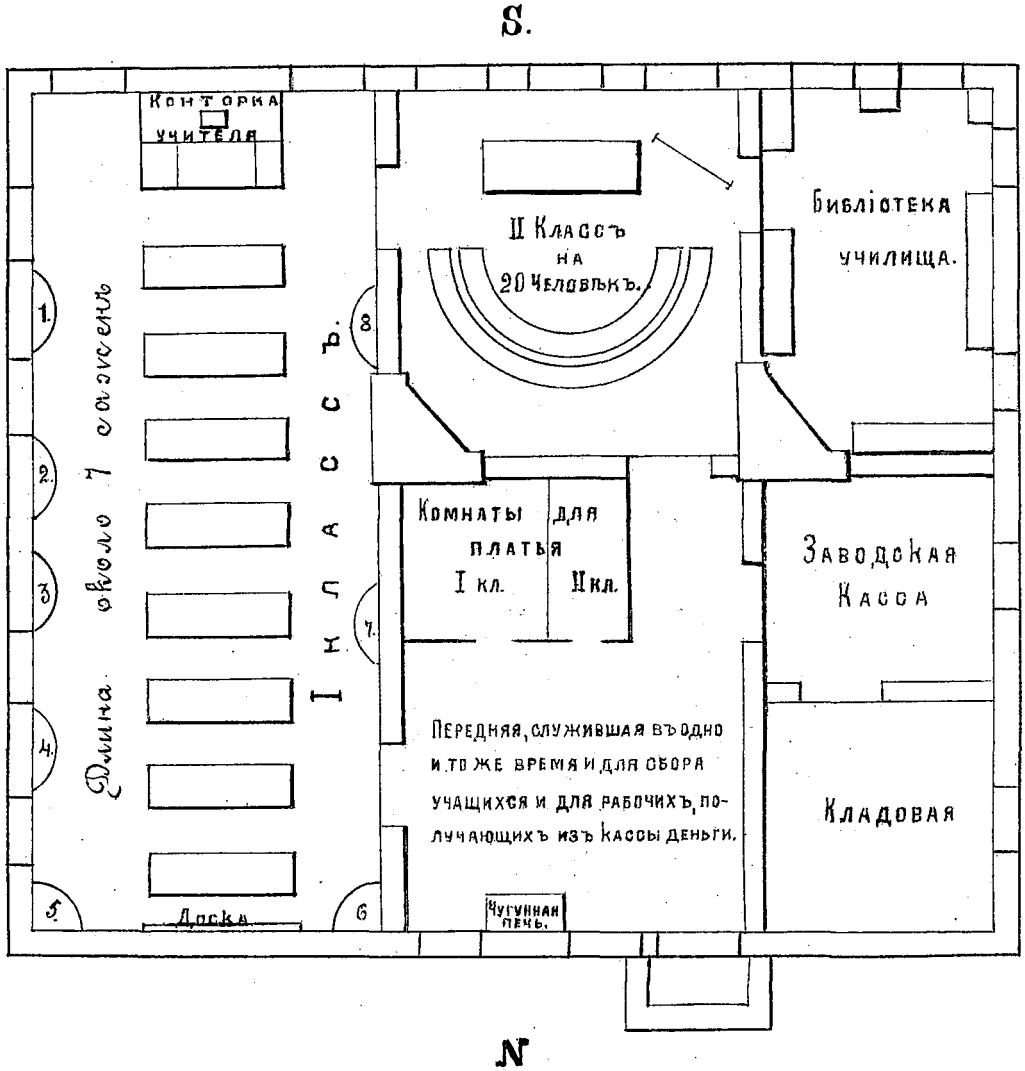
Управляющимъ Билимбаевскаго завода, принадлежащаго въ то время графинѣ Наталіи Павловнѣ Строгановой, былъ Петръ Сосипатровичъ Шаринъ—мѣстный уроженецъ изъ крѣпостныхъ людей Строгановыхъ.

Шаринъ, по окончаніи курса въ Фрейбургской горной академіи, былъ выпущенъ на волю; около тридцатыхъ годовъ сдалъ экзаменъ на званіе учителя приходскаго училища и зачисленъ учителемъ ариѳметики при Билимбаевскомъ училищѣ для полученія правъ гражданской службы и соединенныхъ съ нею чиновъ, что въ то время широко практиковалось въ отношеніи управляющихъ заводами. Преподаваніемъ онъ непосредственно не занимался, а приходилъ въ школу разъ или два въ мѣсяцъ для провѣрки успѣховъ по своему предмету, который преподавалъ за него старшій учитель.

Училище помѣщалось въ нижнемъ этажѣ Билимбаевскаго Окружнаго Правленія (заводской конторы); въ томъ же этажѣ находилась и касса Правленія, у которой обыкновенно толпились мастеровые всѣхъ половъ и возрастовъ въ ожиданіи полученія денегъ. Въ передней, которая въ то-же

*) Докладъ, проч. въ засѣд. Перм. Учен. Архив. Комис. 1903 г.

Приблизительный планъ Билимбаевскаго училища.

время была и ученической сборной, деревенскіе углевозы, рудовозы, дрововозы и пр. располагались какъ дома; одни спали, другіе закусывали, что Богъ послалъ, третьи тихо между собою бесѣдовали. Замѣчательно то, что, не смотря иногда на большое скопленіе народа, тишина не нарушалась; пьяныхъ между рабочими совсѣмъ не было.

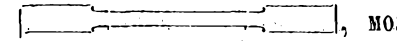
Въ исключительномъ распоряженіи училища были три комнаты—первый и второй классы и библіотека, общая для всего завода. Зала для чтенія при ней не было, но книги и газеты выдавались въ ней безпрепятственно всѣмъ желающимъ. Насколько помнится въ 1858 году выписывалось изъ газетъ „Московскія вѣдомости“, „Сынъ отечества“, изъ журналовъ—иллюстрація Искра, Русскій Вѣстникъ, Современникъ, и еще что-то. Имѣлись всѣ русскіе классики съ Пушкинымъ во главѣ. Исторія Карамзина и многіе другіе.

Величина I класса, разсчитаннаго на 80 человѣкъ, была въ длину около 7 саж., въ ширину около 4 саж. и въ высоту около 5 арш. Оконъ выходило на востокъ четыре и на югъ два—размѣрами около 12×7 четвертей. Въ дѣйствительности число учащихся въ первомъ классѣ одновременно достигало иногда до 100 человѣкъ.

У южной стѣны, какъ видно это изъ плана, стояла учительская конторка съ косой (наклонной) доской и съ тумбами по бокамъ. Кафедра эта располагалась на площадкѣ высотою въ двѣ ступени, такъ что съ нея хорошо было видно всѣхъ учащихся. Передъ конторкой или кафедрой по срединѣ комнаты одинъ за другимъ выстроены въ правильный четыреугольникъ однообразные, за исключеніемъ одного перваго, столы на десять человѣкъ каждый, на которые однако-же въ случаѣ нужды могло помѣститься и до 15 человѣкъ.

Столовъ было восемь и они назывались классами. При каждомъ изъ нихъ, на деревянныхъ стержняхъ длиною въ сажень, имѣлись желѣзныя планки съ надписью, на одной сторонѣ классъ такой-то—„Письмо“, а на другой „классъ такой-то“—„Ариѳметика“. Значки могли поворачиваться, обозначая занятія учащихся. Такъ, напримѣръ, когда занимались ариѳметикой, то значки съ этимъ обозначеніемъ обращались къ учительской конторкѣ.

Первый столъ, предназначаемый для начальныхъ письменныхъ упражненій на пескѣ, имѣлъ для этого соотвѣтствовавшія особенности. Разсчитанный то же на 10—12 человѣкъ, какъ и остальные, онъ былъ со столешницей не наклонной, какъ другія, а горизонтальной, ограниченной бор-

тамиѣ и представлявшей изъ себя подобіе плоскаго, мелкаго ящика. На площадку эту насыпался мелкій желтый (горный) песокъ, на которомъ желѣзными палочками (бороздилками), имѣющими видъ шпателей , можно было легко выводить или гравировать буквы или цифры. Для заравниванія песка и обозначенія графокъ была приспособлена особая доска, которая насывалась шабаркалкой.

Слѣдующіе столы до пятаго включительно были обыкновенными школьными партами, но для упражненія въ письмѣ на нихъ употреблялась не бумага и не грифельныя доски, а доски деревянныя длиною вершковъ 6—7 и шириною вершка 4. Они выкрашены были черной краской съ графами трехлинейными и затѣмъ наклонными косыми. Послѣднія показывали, въ какомъ положеніи должны были стоять буквы, т. е. какой наклонъ онѣ должны были имѣть. Трехстрочныя графки и косыя наведены были на черныхъ доскахъ красной масляной краской. Писали на этихъ доскахъ растворомъ мѣла съ помощью гусиныхъ перьевъ. Въ каждой изъ нартъ было просверлено по четыре круглыхъ дыры; въ эти гнѣздышки вставлялись чугуны чернильницы въ видѣ усѣченныхъ конусовъ. Мѣловой растворъ, который наливался въ нихъ и которымъ писали, назывался *бѣлыми чернилами*.

На шестомъ столѣ уже писали на грифильныхъ доскахъ, а на седьмомъ и восьмомъ — на бумагѣ.

За столами производились только письменныя работы, а обученіе чтенію, цифрамъ и счисленію велось въ полукружіяхъ, изъ которыхъ каждое соотвѣтствовало своему столу, т. е. столъ или классъ, перемѣщаясь въ полукружія для словесныхъ занятій, не мѣнялся въ своемъ составѣ.

Въ простѣнкахъ, какъ это показано на планѣ, развѣшивались таблицы, смотря по преподаваемому предмету или для чтенія, или же для ариѳметики. Что это были за таблицы, видно будетъ изъ послѣдующаго.

Для наблюденія за порядкомъ и для обученія по классамъ или столамъ изъ учениковъ высшихъ столовъ, начиная съ пятаго, избирались учителемъ преподаватели для первыхъ столовъ. Такъ, напримѣръ, пятиклассникъ, попросту, сидящій за пятымъ столомъ, могъ быть удостоенъ назначенія состоять старшимъ, т. е. то же что преподавателемъ, на столахъ первомъ или второмъ. Шестиклассникъ могъ преподавать на второмъ и третьемъ и т. д. Конечно, старшіе назначались учителемъ изъ лучшихъ учениковъ по успѣхамъ и благонравію. Надъ этими старшими въ первомъ классѣ были еще такъ называемые надзиратели изъ учениковъ послѣдняго

стола (8-го). Ихъ было трое: надзиратель порядка, надзиратель чтенія и надзиратель письма. Для надзирателей, для старшихъ учениковъ, ведущихъ преподаваніе, и для первыхъ каждаго стола или, что тоже, класса были установлены особые значки. Это желѣзныя пластинки 3×1½ вершка, на которыхъ четко печатнымъ шрифтомъ выписано было соотвѣтствующее званіе. Напримѣръ, „надзиратель порядка“, или „Надзиратель чтенія“, или „Старшій I-го стола“, или „Первый ученикъ I-го стола“ и т. д. Такія пластинки, называемыя ярлыками, удостоенный извѣстнаго званія ученикъ носилъ на груди, на цвѣтномъ, по большей части красномъ, гайтанѣ. Посвященіе во всѣ означенныя званія производилось учителемъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Въ такихъ случаяхъ учитель громогласно вызывалъ ученика къ кафедрѣ и здѣсь предъ лицомъ всего класса самолично надѣвалъ на него заслуженный знакъ отличія.

Въ pendent къ этимъ поощрительнымъ выраженіямъ заслугъ были и знаки съ порицаніями. Такъ, напр., имѣлись большія желтыя кардонки съ надписями: „шалунъ“, „грубіянъ“, „оселъ“ и все въ этомъ родѣ. Эти титулы точно также носились на груди и надѣвались учителемъ съ приличнымъ случаю внушеніемъ. Впрочемъ къ такимъ нѣжнымъ мѣрамъ наказанія прибѣгали въ рѣдкихъ случаяхъ, гораздо чаще практиковались розги. Сѣкли довольно часто. Не проходило мѣсяца, чтобъ кто-либо не подвергся такой экзекуціи. Существовало даже убѣжденіе, что безъ порки выучиться невозможно.

Особыхъ учебниковъ не было, а существовали таблицы, составленныя примѣнительно къ системѣ Ланкастера.

Надо замѣтить, что дѣтей приводили въ школу не имѣющихъ никакого понятія ни о буквахъ, ни о цифрахъ и затѣмъ особаго времени для пріема, какъ это дѣлается во всѣхъ школахъ теперь, тогда опредѣлено не было, а ученики поступали, кто когда хотѣлъ. Поэтому первый столъ всегда обновлялся и ученики, постепенно передвигаясь, тѣснили ранѣе поступившихъ впередъ на послѣдующіе столы. Кандидатомъ къ переходу на слѣдующій являлся, конечно, первый ученикъ, и поэтому сдѣлаться имъ было весьма важно. Перемѣщеніе совершалось иногда и не въ очередь, болѣе способные обгоняли своихъ менѣе способныхъ товарищей и случалось оставляли ихъ далеко позади.

Такимъ образомъ, на первомъ столѣ постоянно являлись новички и, стало быть, преподаваніе должно было быть къ этому приноровлено, что дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ. На первомъ столѣ круглый годъ

преподавалось одно и то же, что, впрочемъ, умѣстно сказать и о столахъ послѣдующихъ, развѣ за исключеніемъ 6, 7, 8, на которыхъ программа преподаванія болѣе приспособлялась къ познаніямъ учащихся и поэтому подвергалась нѣкоторымъ колебаніямъ.

Прежде всего по внѣшнему виду таблицы для первыхъ четырехъ столовъ были одинаковы, величиною онѣ были въ четверть газетнаго листа наклеенныя на прочномъ картонѣ съ петелькою изъ шнурка для подвѣски на крюкъ. Съ четвертаго стола таблицы заключали въ себѣ крупно напечатанное Евангеліе и посланія Апостоловъ и величиною были въ полулиста газетной же бумаги.

Первая таблица перваго стола заключала въ себѣ кромѣ алфавита печатныхъ буквъ, прописныхъ и малыхъ еще слоги изъ двухъ и трехъ буквъ въ сочетаніяхъ сначала гласной буквы съ согласной, а затѣмъ въ обратномъ порядкѣ. Такъ напримѣръ, аб, ав, аг, ад, ев, ег, еж, иб, ив, иг, иж и т. д. Потомъ: ба, ва, га, да, жа... Во второй таблицѣ одногласные и двузначные слоги соединялись въ слова: И-ва, ѣ-ли, я-ма, я-ша, Далѣе въ третьей таблицѣ были двусложныя: Ма́-ма, Са́-ша, Да́-ша. Далѣе такія же сочетанія съ переносомъ ударенія на второй слогъ: зи-ма́, се-ло́, му-ка́, ку-да́. Потомъ трехзначныя слова: дом, ком, кол, сон, пал, мал.

Изъ таблицъ 2-го полукружія одна только хорошо врѣзалась мнѣ въ памяти, она заключала въ себѣ наборъ словъ безъ всякаго внутренняго порядка, тѣтъ неменѣе я помню её лучше другихъ. Въ первомъ столбцѣ, которыхъ было въ таблицѣ четыре, значилось: о́б-ла-ко, за́-ре-во, ѣ-ха-ли, ви-дѣ-ли. Въ этомъ родѣ таблицъ, на второмъ столѣ было три или четыре. Иногда для повторенія пройденнаго сюда передавались таблицы перваго стола.

На третьемъ столѣ ни одной таблицы не помню, знаю только, что въ нихъ были очень длинные слова въ 4—5 и болѣе слоговъ, и при томъ для ачащихся мало или совсѣмъ непонятныя, напр., чудодѣйственный, благолѣпный и т. п.

Таблицы для слѣдующихъ трехъ столовъ были одинаковаго вида, а именно, какъ сказано выше, онѣ величиною были въ половину листа газетной бумаги, наклеенной на кардонъ; текстъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ въ четыре столбца, былъ заимствованъ для 4-го и 5 столовъ изъ дѣяній Апостальскихъ, а для 6 изъ Евангелія.

Для 7 и 8 столовъ, ученики которыхъ разъ въ два года переводились во второе отдѣленіе училища, или во-второй классъ, въ собственномъ

смыслѣ слова, были уже не таблицы, а книги для чтенія для того и для другого полукружія общія. Въ двухлѣтній курсъ прочитывались слѣдующія книги: „училище благочестія“, „молитва христіанина“ и „сто четыре ветхозавѣтныя исторіи съ картинками“. Если этихъ книгъ не хватало, то ихъ перечитывали снова. Для внѣкласснаго чтенія книжки выдавались рѣдко, изъ нихъ я помню слѣдующія: „Православіе, самодержавіе, народность“, „о Петрѣ Великомъ“, „о томъ, какъ солдатъ Ивашка спасъ Петра Великаго“, „о Суворовѣ“, „Балакиревъ“, „Сельская бесѣда“, „Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ“, Три мушкатера“, Рукопись „послѣднія слова въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича“, „Путешествіе во святую землю“, „Сердце человѣческое, оскверненное грѣхами и очищенное покаяніемъ“, „Іерусалимская молитва“. „Инструкція г. Бергъ—Инспектору Хребта Уральскаго“. Журналъ „Маякъ“. „Черная женщина“ (кажется) Греча. „Солдатъ Яшка—красная рубашка синія ластовицы“, „Бомбардировка Севастополя“.

Ариѳметика преподавалась двоякимъ способомъ: первый состоялъ въ томъ, что ученики учились считать на щётахъ, а второй—счисленіе или нумерація изучалась по таблицамъ. Для упражненія на счетахъ въ теченіе учебнаго года отводилось мѣсяца два, остальное время учились по таблицамъ. По ариѳметикѣ полагалось по одной таблицѣ на каждое полукружіе до 5-го включительно. Въ таблицѣ 1-го полукружія были напечатаны цифры отъ 1-го до 10 крупнымъ шрифтомъ, а затѣмъ менѣе крупнымъ отъ 10 до 100.

Таблица 2-го полукружія заключала въ себѣ трехъ и четырехзначныя. Третьему полукружію отводились 5-ти и 7 значныя цифры. Въ четвертомъ нумерація проходилась свыше милліоновъ; полагалось знать билліоны, трилльоны и квадральоны; въ пятомъ и шестомъ упражнялись изустно въ сложеніи и вычитаніи, а седьмое и восьмое полукружія учили таблицу умноженія и занимались умственными счисленіями на умноженіе и дѣленіе.

Упражненіе на щетахъ велось по полукружіямъ въ томъ-же объемѣ, который опредѣлялся таблицами, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ цифры читали, во-второмъ ихъ изображали на щетахъ.

На каждое полукружіе полагалось по два „старшихъ“, одинъ изъ нихъ по чтенію, а другой по ариѳметикѣ, тѣ-же „старшіе“ вели преподаваніе и за столами при письменныхъ работахъ. Для указанія на таблицахъ въ полукружіяхъ имѣлись деревянныя, окрашенныя въ черную краску палочки—указки, которыми были вооружены „старшіе“. Указки эти

были длиною около аршина и толщиною у рукоятки около полвершка; кромѣ своего прямого назначенія онѣ употреблялись и для другихъ цѣлей, напр., для усмиренія непокорныхъ. Чаще всего доставалось отъ нихъ рукамъ. Полагалось держать руки по швамъ, а какъ только ученикъ забывалъ это правило и высовывалъ ихъ впередъ, такъ старшій тотчасъ-же ударялъ по нимъ указкой, иногда довольно больно.

Преподаваніе у таблицъ велось нараспѣвъ. Что и какъ тянутъ начинающимъ показывали старшіе; ученики усваивали, запоминали и старались подражать, а затѣмъ голосили уже самостоятельно, выпѣвая то, что что указывалось старшимъ. Напр., въ первомъ полукружіи старшій, указывая на единицу пѣлъ: одна еди-ни-ца со-сто-итъ изъ одной е-ди-ни-цы. Начинающій повторялъ это за преподавателемъ. Или такъ: двад-цать пять е-ди-ницъ со-сто-ятъ изъ двухъ де-сят-ковъ и пяти е-ди-ницъ.

При занятіяхъ на щетахъ, пѣли такимъ образомъ: од-на и од-на состав-ля-ютъ двѣ. Двѣ и од-на состав-ля-ютъ три и т. д. При занятіяхъ въ полукружіяхъ всегда было очень шумно, а особенно въ часы чтенія, что весьма понятно. Въ одномъ мѣстѣ поютъ об-ла-ко, за-ре-во, въ другомъ—Я-ша, Ма-ша, въ третьемъ бла-го-лѣ-пі-е, страсто-терпство и т. д., и все заразъ. Учитель во время этихъ занятій обыкновенно чинилъ гусиныя перья, сидя за своей конторкой и подготовляясь такимъ образомъ къ классу письма. Онъ исключительно этимъ только и проявлялъ свою дѣятельность; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ прослушаетъ кого-либо изъ учениковъ. Въ свободное отъ очинки перьевъ время посвящалось имъ чтенію книгъ и газетъ. Вообще обязанность учителя сводилась къ высиживанію часовъ и казалось легкой.

Ученіе велось за два пріема, утромъ—съ 8 до 11 и послѣ обѣда съ 1 до 4; всего полагалось занятій шесть часовъ въ сутки, за исключеніемъ среды и субботы, въ которые послѣ обѣда учебныхъ занятій не было, но собирались для обученія маршировкѣ подъ руководствомъ отставного унтера.

Въ воскресенье и праздничные дни всѣ ученики обязаны были приходить къ заутрени, а оттуда, по окончаніи службы въ школу, гдѣ читались Евангеліе или же исторія праздника съ надлежащими объясненіями. Учебные часы слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первыя три четверти часа посвящались чтенію у таблицъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ въ отдѣльности для каждаго класса, образующаго около нихъ полукружія. Вторыя три четверти безъ перерыва занимались письмомъ за партами. Затѣмъ допу-

скалась на 10 минутъ перемѣна, послѣ которой снова становились въ полукружія по уроку ариѳметики. Послѣднія 40 минутъ занимались письмомъ цифръ за партами. Послѣдній часъ три раза въ недѣлю посвящался Закону Божію. Приходя въ школу ученики въ ожиданіи урока сидѣли въ корридорѣ.

Все сказанное относится къ ученикамъ перваго отдѣленія, что же касается второго класса, то о немъ рѣчь впереди; онъ имѣлъ свои порядки совершенно отличные отъ первоклассныхъ.

По наступленіи времени, т. е. утромъ въ 8 часовъ, а послѣ обѣда въ часъ, ученики подъ команду „Надзирателя порядка“ — смирно! стройся! становились одинъ возлѣ другого, группируясь по столамъ. Впереди ближе къ выходу въ классную комнату находился первый столъ, за нимъ второй и т. д. до 8 включительно. Затѣмъ раздавалась новая команда: „направо, шагомъ маршъ“!. Классныя двери открывалась и ученики веревочкой вступали въ классную комнату, направляясь за парты, каждый за свою. Здѣсь снова раздавалась команда: во фронтъ! къ молитвѣ!. По прочтеніи молитвы, что лежало на обязанности „надзирателя порядка“, т. е. старшаго ученика во всемъ классѣ, команда продолжалась.

„Старшіе“! по мѣстамъ! Старшіе становились каждый у своего класса. „Первая половина налѣво! вторая половина направо, маршъ! Стройся! Начинай“! Такимъ образомъ начинался учебный день.

Спустя три четверти часа „надзиратель порядка“ становился на свое обычное мѣсто у учительской конторки и громогласно нараспѣвъ выкрикивалъ команду. „Смирно! во-фронтъ! первая половина налѣво, вторая половина направо за столы маршъ. Разъ, два! разъ два. Ученики маршируя въ шагъ, заходили за парты — каждое полукружіе за свою. „Во фронтъ! садись! начинай“!

Послѣ крика при занятіяхъ у таблицъ классъ погружался при письмѣ въ тишину, перерываемую отдѣльными возгласами старшаго перваго стола и нѣкоторыхъ неугомонныхъ учениковъ, требовавшихъ чернилъ. „Дежурный! чернилъ бѣ-лыхъ“! пѣлъ кто-нибудь изъ нихъ, скорѣе для развлеченія, чѣмъ по дѣйствительной надобности, хотя надо прибавить, что мѣлового раствора, который назывался „бѣлыми чернилами“, требовалось немало; онъ и высыхалъ, и при письмѣ на деревянныхъ доскахъ издерживался весьма скоро.

Возгласы „старшаго“ на первомъ столѣ зависѣли отъ слѣдующаго. Какъ уже было сказано, для упражненія въ письмѣ, на первомъ столѣ

употреблялся мелкій горный песокъ. Образцомъ для письма служили буквы въ алфавитномъ порядкѣ. На картонкахъ величиною въ четверть листа писчей бумаги были четко написаны буквы попарно—заглавныя и малыя. Старшій всякій разъ, давая букву, которая на особой державкѣ стояла передъ столомъ и была видна всѣмъ за нимъ сидящимъ, громко провозглашалъ ея названіе, показывалъ ея начертаніе, и по обыкновенію нараспѣвъ выкрикивалъ: „Пишите букву А и смотрите на почеркъ". Распѣвая это, старшій водилъ по образцу деревянной указкой, показывая гдѣ буква начинается и гдѣ оканчивается. Ученики смотря на это, копировали своего учителя, выгравировывая на доскѣ ту или другую букву. Подобнымъ же образомъ на первомъ столѣ преподавалось и письмо цифръ.

Вообще же письменныя занятія до нѣкоторой степени соотвѣтствовали программѣ словесныхъ упражненій въ полукружіяхъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ первымъ тремъ столамъ, это правило было вполнѣ приложимо, а именно, то что изучалось въ полукружіяхъ, то писалось на доскахъ за партами. Начиная съ 4-го стола до 6-го писали прописи, на 7 и 8 столахъ тѣ же прописи, только не на деревянныхъ доскахъ, а на бумагѣ, т. е. обыкновеннымъ способомъ.

Во время письменныхъ упражненій по ариѳметикѣ на послѣднихъ двухъ столахъ дѣлали задачи по задачнику, кажется, Буссе, ариѳметика котораго была принята за руководство. Ариѳметическія правила задавались на домъ и заучивались на—зубокъ. Долѣе всего останавливались на правилѣ умноженія многозначнаго числа на многозначное. Это правило какъ-то не укладывалось въ ученическія головы, и многіе, дѣлая умноженія безошибочно, правила этого сказать всетаки не могли.

Изъ Закона Божія въ первомъ классѣ кромѣ Символа вѣры и молитвъ полагалось пройти ветхозавѣтную исторію и катехизисъ по начаткамъ.

Нѣкоторые засиживались въ первомъ классѣ болѣе 5 лѣтъ; вообще же изъ 100 человѣкъ первоклассниковъ во второй классъ переводилось въ два года одинъ разъ не болѣе 20 человѣкъ.

Во второмъ классѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, велось порядкомъ нѣсколько похожимъ на существовавшій въ первомъ классѣ. Взаимообученіе было и здѣсь, хотя и въ иной формѣ. Одинъ изъ лучшихъ учениковъ для пользы дѣла задерживался въ классѣ на лишнихъ два года и велъ дѣло въ то время, когда учитель сидѣлъ за газетой или ходилъ въ библіотеку курить и болтать съ посѣтителями. Рѣдкіе набѣги учителя ариѳметики—Управляющаго заводомъ – вносили въ

школу нѣкоторый лучъ свѣта, во все же прочее время учились самоукомъ. Старшій ученикъ, онъ же авдиторъ, велъ такъ называемую нотату и имѣлъ поэтому самому всѣ аттрибуты учителя. Наказывать лично онъ хотя и не могъ, но его заявленіе о томъ учителю всегда выполнялось неукоснительно.

Программа, которой держались во II классѣ, была слѣдующая: по Закону Божію—исторія Новаго Завѣта по Соколову или Рудакову и катехизисъ Филарета. По ариѳметикѣ—четыре дѣйствія надъ простыми и именованными числами, всѣ дѣйствія надъ дробями простыми и десятичными, непрерывныя дроби, пропорціи ариѳметическія и кратныя; правила: тройное, смѣшенія и цѣпное, о процентахъ и извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней. По русскому языку—этимологія, синтаксисъ и орѳографія по Востокову, басни Крылова. Для домашняго чтенія ученики брали изъ общей библіотеки Исторію Карамзина, сочиненія Жуковскаго, Козлова, Кольцова, Пушкина, Гоголя, Хрестоматію Галахова, Паульсона, стихотворенія Лермонтова, Записки охотника Тургенева, Барона Бранбеуса, Марлинскаго, нѣкоторые романы Дюма—отца, Еженя Сю и что-то еще.

За внѣклассными поступками учащихся имѣли наблюденіе не только учителя, но и избранные старшіе ученики. Такихъ довѣренныхъ было нѣсколько человѣкъ въ первомъ классѣ и два или три во второмъ; они должны были присматривать за учениками внѣ класса вездѣ гдѣ-бы то ни было: по выходѣ изъ класса, по дорогѣ въ классъ, даже во время уличныхъ игръ. Эти наблюдатели, на мѣстномъ языкѣ называемые казаками, заносили результаты надзора въ особый журналъ, который именовался „журналъ шалящихъ“, а короче „шалящимъ“. Попасть въ „шалящій“, это значило навѣрняка подвергнуться поркѣ, а поэтому принимались всѣ мѣры предосторожностей, чтобъ избѣжать зоркихъ казачьихъ глазъ, что однако-же трудно достигалось и „шалящій“, просматриваемый старшимъ учителемъ по большей части по субботамъ, всегда давалъ достаточный матеріалъ для экзекуціи. Не одни доносы „казаковъ“ и шалящій журналъ служили поводомъ къ наказанію розгами; малоуспѣвающихъ учениковъ иногда то-же подвергали той-же мѣрѣ взысканія. А кромѣ того нерѣдко приносили на учениковъ жалобы и ихъ родители, родственники и даже постороннія лица, такъ или иначе потерпѣвшіе отъ ученическихъ шалостей. Учителя близко принимали къ сердцу всѣ такія жалобы, разбирали ихъ и давали удовлетвореніе по мѣрѣ силъ и возможности. Изъ многихъ случаевъ, не могу обойти молчаніемъ два болѣе или менѣе выдающихся, ха-

рактеризующихъ тогдашній училищный режимъ и, быть можетъ, имѣющихъ прямую связь даже съ системой преподаванія.

Одинъ изъ учениковъ 3-го стола Виссаріонъ Солонининъ, сынъ вдовы почтальона, носилъ сюртучекъ съ большими посеребренными пуговицами, на которыхъ были вытиснены орлы. Но слѣдуетъ предварительно сказать нѣсколько словъ о душевномъ состояніи въ какомъ находилось тогда все общество, все что способно было сколько-нибудь мыслить и сознавать. Дѣло было въ 1854 году, кажется, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Настроеніе военнаго времени отражалось и на школѣ, во-первыхъ разными слухами съ театра дѣйствій, во-вторыхъ введенными въ этомъ году маршировками. Передвиженіе войскъ регулярныхъ, а затѣмъ ратниковъ то же не могло не оказать на дѣтскій умъ своего вліянія. Благодаря всему этому въ играхъ преобладалъ воинственный духъ. Мальчики въ 8—12 лѣтъ страшно увлеклись военными упражненіями и почти каждый день изображали войны. Для этого требовались генералы, офицеры, унтера, рядовые и съ тѣмъ вмѣстѣ и знаки отличія—медали, кресты, ордена. Послѣдніе дѣлались изъ картона и раскрашивались. Но кто-то обратилъ вниманіе на свѣтлыя пуговицы Вистальонки, какъ называли по школьному Солонинина. Вскорѣ одна изъ его пуговицъ подверглась анализу и къ великому удивленію и радости оказалось, что пуговица состоитъ изъ множества мелкихъ металлическихъ кружковъ изъ которыхъ на многихъ тисненіе оставило слѣдъ верхняго орла, и стало быть изъ этихъ кружковъ всякій могъ служить медалью. Такъ или иначе, но въ самый день этого открытія Солонининъ возвратился изъ училища домой безъ пуговицъ. За то въ этотъ вечеръ, военное ученіе у школьниковъ было *заправдешное;* многіе изъ отличившихся получили медали и раздача была довольно щедрая.

На другой день, во время занятій въ полукружіяхъ, вдругъ разнесся по классу зловѣщій шепотъ: „Солонииха пришла... Вистальонкова мать“!...

Дѣйствительно это была Вистальонкова мать; она направилась къ учительской конторкѣ и въ классѣ воцарилось гробовое молчаніе. Строгій окликъ учителя „заниматься своимъ дѣломъ“—не надолго возвратилъ классъ къ занятіямъ, а затѣмъ опять наступила тишина. Многимъ, близко заинтересованнымъ въ дѣлѣ, стало дурно. Многіе стали поднимать правую руку, что обозначало просьбу о позволеніи выйти, но не тутъ то было. Учитель то и дѣло выкрикивалъ „пшолъ на мѣсто“. Солонииха упомянула нѣсколько фамилій, въ первую голову старшаго 3-го стола.

Къ судейскому совѣту присоединился учитель 2-го класса и рѣшеніе не заставило себя долго ждать.

„Дежурный, розги“! Рѣзко раздалось съ высоты конторки. Воздухъ въ классѣ сталъ быстро портиться. Ужасъ объялъ всѣхъ и правыхъ и виноватыхъ, въ особенности, когда сторожъ внесъ въ комнату цѣлую охапку розгъ.

„Мельниковъ Димитрій“! сталъ выкликать учитель. „Скорынинъ Иванъ, Скорынинъ Николай, Ермаковъ Дементій, Ильиныхъ Степанъ“. Затѣмъ къ этому списку присоединены были всѣ медалисты и всѣ такъ или иначе отличившіеся на полѣ вчерашней брани. Мельниковъ Димитрій довольно таки часто подпадалъ подъ „вицу“ и даже до нѣкоторой степени освоился съ ней. Онъ увѣрялъ, что боли совсѣмъ не слышитъ, если въ это время, какъ дерутъ, пѣть молитву, что онъ всякій разъ и дѣлалъ. „Отче нашъ“! закричалъ Мельниковъ, когда розга взвилась въ воздухѣ и съ какимъ-то особымъ свистящимъ звукомъ ударила его по голому тѣлу. Одной молитвы не хватило, Мельниковъ немного не допѣлъ ее и во второй разъ, когда учитель сказалъ „ну, довольно“! Мельниковъ, поправляя свой туалетъ поклонился въ ноги учителю со словами „спасибо, батюшко, Захаръ Васильевичъ, не худу учите“. Эту благодарность Мельниковъ приносилъ тоже всякій разъ послѣ наказанія; было это въ порядкѣ вещей и никто этому не удивлялся, даже находились подражатели.

За Мельниковымъ слѣдовалъ Скорынинъ Иванъ. Онъ тоже пробовалъ запѣть „Отче нашъ“, но вскорѣ слова стали расплываться и онъ перешелъ на обычный малодушный ревъ. Человѣкъ до 30 попали въ эту исторію и никому пощады не было. Второй случай, когда подверглось наказанію еще большее число лицъ, былъ такого рода. На масляницѣ обыкновенно устраивалась на пруду громадная катушка, такъ что раскатъ, т. е. наклонная плоскость достигала саженей 25 и болѣе. При этомъ существовалъ такой обычай: катаніе открывалось въ среду на маслянской недѣлѣ послѣ 11 часовъ дня. Бывало, всѣ конторскіе служащіе во главѣ съ управляющимъ для начала катанья скатываются на спеціально приготовленномъ для этого случая лубкѣ, а ужъ послѣ этого начинаютъ кататься и всѣ прочіе. До этого же момента катушка, хотя бы и была совсѣмъ готова, остается загражденной. Запоръ состоялъ въ томъ, что поперекъ катушки въ половинѣ раската клались на борта жерди и тѣмъ самымъ перегораживали дорогу. Однако же жерди эти, опирающіеся на борта, оставляли большую щель, такъ что скатываясь съ голована, можно

прошмыгнуть въ эту щель, если растянуться на саняхъ, откинувшись назадъ. Не смотря на строгое запрещеніе кататься на катушкѣ, пока она оффиціально не открыта, школьники все таки катались, растягиваясь у загражденія влежку или подкувыркиваясь подъ него, на что требовалось при скорости ѣзды, весьма много ловкости. Малѣйшая неосторожность могла повлечъ за собой роковыя послѣдствія. Скатиться безъ санокъ на собственной спинѣ еще такой опастностью не угрожало, но находились смѣльчаки, которые ухитрялись съѣзжать именно на саняхъ. Между послѣдними былъ сынъ законоучителя—Троицкій Сергѣй. Онъ многократно продѣлалъ свой опасный полетъ, и наконецъ поплатился за свою смѣлость. Зазѣвавшись, онъ запоздалъ наклониться и наѣхалъ на жердь головой. Кровь брызнула на катушку и Троицкаго привезли домой въ безсознательномъ состояніи. Онъ однако же ожилъ и даже вскорѣ выздоровѣлъ. Но порка была генеральная.

Л. Е. Воеводинъ.